

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как были обмануты дьяволы-оборотни и как все они преклонились перед Буддой

Не будем пока рассказывать вам о страданиях и мучениях Танского монаха. Обратимся к трем дьяволам, которые дрались не на жизнь, а на смерть с тремя монахами — Сунь У-куном и его духовными братьями. Они бились с одинаковой яростью, не щадя сил своих. Видно, про них говорится в пословице: «Нашла коса на камень». Бой происходил на пригорке к востоку от города. Вот послушайте, что это был за бой!

Трое на трое сшиблись враги

И оружие скрестили

Шесть могучих борцов,

Соревнуясь в проворстве и силе.

Шесть различных желаний

Вступили в борьбу меж собой.

Шесть стремлений и чувств,

Разъяренные, ринулись в бой.

Есть небесных дворцов тридцать шесть,

И всегда там весна.

А страстей на земле — шестью шесть,

Между ними — война!

Сунь У-кун воздымал свою палицу

С гневом и жаром,

Но и черт отражал алебардой

Удар за ударом.

И второй омерзительный демон

Был грозен и зол,—

Он дразнил Чжу Ба-цзе

И копьем его адским колол.

Чжу Ба-цзе подымал на врага

Исполинские грабли,
Но могучие руки его
Постепенно ослабли.
И великий подвижник Ша-сэн
Не простой был монах:
Колдовской, зачарованный посох
Сжимал он в руках.
Поражал им третьего дьявола
Смело с размаху.
Старый дьявол секирой сражался,
Не ведая страха.
Трое славных борцов
Защищали наставника честь.
Трех проклятых врагов
Разжигали и злоба и месть.
Распаляясь от гнева,
Бойцы поражали сплеча
И взлетели на воздух,
Заклятий слова бормоча.
От ударов рождался огонь.
Облака за клубились.
Все носились в тумане,
Сцепились во тьме и кружились,
И сквозь черное марево,
Из грозových облаков
Только слышался рев,
Да хрипенье, да стоны врагов.

Долго бились шесть чародеев. Уже стало смеркаться, поползли туманы, подгоняемые ветром, и вскоре совсем стемнело. А как вам известно, у Чжу Ба-цзе были огромные уши, которые свисали прямо на глаза, поэтому он в сумерки почти ничего не видел. Он неуклюже ворочал руками и ногами и не мог отбивать удары противника. Наконец, улучив момент, он бросился бежать, волоча за собою грабли. Старый дьявол помчался за ним и едва не зарубил мечом. К счастью, Чжу Ба-цзе удалось увернуться, и дьявол отхватил концом меча лишь несколько щетинок на его загривке. Продолжая преследовать Чжу Ба-цзе, дьявол все же нашел его и, схватив зубами за голову, помчался с ним в город. Там он бросил его бесенятам, велел крепко связать веревками и поместить во дворец, в тронном зале с золотыми колокольцами. Затем, вскочив на облако, старый дьявол помчался обратно к месту боя, чтобы в нужный момент прийти на помощь своим братьям. Ша-сэн понял, что дело принимает дурной оборот, и, сделав ложный выпад своим волшебным посохом, неожиданно повернулся и бросился наутек, спасая жизнь. Второй демон вытянул хобот, протрубил в него и обвинил им Ша-сэна. Затем он доставил его в город, где тоже передал бесенятам, приказав связать пленника и поместить его в том же зале. Сам же он взвился в воздух, полетел к братьям и стал кричать им, чтобы они изловили Сунь У-куна.

Сунь У-кун, видя, как оба его брата попали в лапы врагам, понял, что одному ему не справиться. Не зря говорится: «Одной рукой не отразишь двух кулаков, а двумя кулаками не перешибешь четыре руки». Сунь У-кун издал клич, отбил своим волшебным посохом удары всех трех дьяволов сразу, перекувырнулся и, вскочив на облако, умчался. Третий демон, видя, что Сунь У-кун пустился наутек, сразу же встряхнулся и принял свой первоначальный облик — превратился вмиг в огромную птицу. Расправив крылья, он полетел вдогонку за Сунь У-куном. И как бы вы думали, догнал он его? Помните, когда Сунь У-кун учинил буйство в небесных чертогах, против него не устояло стотысячное войско небесного царя, а от небесных духов он спасся благодаря умению летать на волшебном облаке: перекувырнется разок — и восемь тысяч ли позади, перекувырнется другой, — глядишь, сто тысяч ли отмахал. Никто не мог догнать его. Однако этот дьявол одним взмахом крыльев покрывал расстояние в девяносто тысяч ли. Стоило ему два раза взмахнуть крыльями, как он настиг Сунь У-куна и, клюнув его, зажал в когти, да так крепко, что тот даже пошевелинуться не мог. Чтобы он ни придумывал, избавиться от когтей ему не удалось бы. Предположим, с помощью волшебства он принял бы другой облик или стал невидимым, ему все равно некуда было бы деваться. Он мог увеличиться, но тогда дьявол разжал бы когти, а если бы он стал уменьшаться, дьявол еще крепче стиснул бы его. И вот дьявол со своей добычей снова направился в город. Там он разжал когти, сбросил Сунь У-куна прямо в пыль и приказал бесенятам связать его и поместить вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Старый и второй демоны вышли к младшему и приветствовали его. Затем все трое направились во дворец. Дьяволам, конечно, повезло! Не свяжи они Сунь У-куна, он наверняка расправился бы с ними.

Было время второй стражи. Дьяволы столкнули Танского монаха с места, на которое с почетом усадили его вначале. При свете фонарей Танский монах увидел своих спутников: они лежали на полу, связанные по рукам и ногам. Сюань-цзан упал на грудь Сунь У-куна и заплакал.

— О мой верный ученик, — причитал Танский монах, — из каких бед ты выручал меня, скольких дьяволов-оборотней покорил своим волшебством, а теперь ты сам попался. Что же будет со мною, с несчастным монахом?

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, услышав эти причитания, не удержались и зарыдали. Один только Сунь

У-кун оставался спокойным.

— Не волнуйся, наставник! — посмеиваясь, сказал он. — И вы, братья, не плачьте! Что бы эти дьяволы ни придумывали, все равно они не причинят нам никакого вреда. Пусть заснут покрепче, тогда мы спокойно выберемся отсюда.

Чжу Ба-цзе не выдержал.

— Братец, ты снова затеваешь недоброе! Мы ведь связаны пеньковыми веревками, да еще смоченными водой. Тебе-то хорошо, ты ведь тощий и не чувствуешь боли, а каково мне! Да ты взгляни на мои руки. Веревка впилась в них на глубину двух цуней! Как же избавиться от таких пут?

— Подумаешь, пеньковая веревка, — со смехом сказал Сунь У-кун. — Да если бы нас связали канатом толщиной с чайную чашку, и то для меня ничего не стоило бы освободиться. Знаешь пословицу: «Осенний ветер пролетает мимо ушей»? Мне это не впервые.

Пока они беседовали, до их слуха донеслись слова старого дьявола:

— Ай да младший братец! До чего же силен, умен и как ловко выполнил свой замысел! Сам Танский монах оказался в наших руках.

Затем последовало приказание:

— Эй, слуги, пусть пятеро носят воду, семеро — чистят котел, десять — разжигают огонь, а двадцать — тащат железную клетку. В этой клетке сварим на пару четырех монахов. Сами отведаем, да и слугам нашим дадим по лакомому кусочку, пусть и они обретут долголетие.

Чжу Ба-цзе задрожал от страха.

— Слышишь, братец? Эти дьяволы собираются нас сварить и съесть.

— Не бойся! Дай только мне узнать, мастера ли они готовить пищу.

Ша-сэн заплакал.

— Дорогой брат, — сквозь слезы проговорил он, — перестань шутить, не время! Считаю, что одной ногой мы уже в преисподней. Не все ли равно теперь — мастера они готовить пищу или нет.

Не успел Ша-сэн проговорить это, как до них донесся голос второго дьявола:

— Вот Чжу Ба-цзе будет трудно сварить на пару.

Чжу Ба-цзе просиял:

— Амитофо! — воскликнул он. — Кто мой тайный благодетель?

Затем раздался голос третьего дьявола:

— Если будет трудно сварить, мы сдерем с него шкуру.

Тут Чжу Ба-цзе так перепугался, что начал вопить не своим голосом:

— Не надо сдирать! Не надо! В крутом кипятке все равно разварится!

Тогда вмешался старый дьявол:

— Того, кто плохо варится, нужно положить на нижнюю решетку клетки.

Сунь У-кун расхохотался.

— Ну, Чжу Ба-цзе, не бойся, эти дьяволы ничего не смыслят в стряпне.

— Откуда ты знаешь? — любопытствовал Ша-сэн.

— А вот откуда. Когда варят на пару, продукты начинают развариваться сверху. То, что плохо разваривается, кладут на верхнюю решетку и увеличивают огонь, чтобы он охватил кругом весь котел. Если же класть их на нижнюю решетку, хоть полгода вари, все равно останутся сырыми. А дьявол говорит, что Чжу Ба-цзе надо положить вниз. Ясно, что он ни черта не смыслит.

— Братец! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Выходит, они собираются сварить нас заживо. И как только увидят, что пар от меня не идет, оттащат, перевернут на другую сторону и снова на огонь, пока не разварят с обеих сторон. Стало быть, нутро мое останется сырым. Так, что ли?

Пока он говорил, прибежали бесенята.

— Вода кипит! — доложили они.

Дьявол распорядился втащить пленников. Толпа бесенят сразу же приступила к делу. Чжу Ба-цзе уложили на самую нижнюю решетку клетки, а Ша-сэна — на вторую. Сунь У-кун, смекнув,

что и его сейчас понесут, тотчас освободился от веревок. Зажгли фонари. «При таком тусклом свете удобно действовать!» — мелькнуло у Сунь У-куна в голове. Он вырвал у себя шерстинку, дунул на нее своим волшебным дыханием и произнес: «Превратись!». Шерстинка сразу же превратилась в точную копию Сунь У-куна, тоже связанного веревками. Сам же он, став бесплотным, подскочил вверх, застыл в воздухе и, свесив голову, стал смотреть вниз.

Бесенята, конечно, ничего не заметили, а потащили мнимого Сунь У-куна и положили его на третью решетку. Наконец дошла очередь до Танского монаха. Его повалили навзничь, скрутили веревками и внесли на четвертую решетку. Дрова были сухие, и костер горел ярким пламенем.

Великий Мудрец не смог удержаться от горестного возгласа:

— Чжу Ба-цзе и Ша-сэну вначале ничего не сделается, а вот бедный наставник сразу разварится. Надо, не мешкая, спасти его!

Добрый Сунь У-кун тотчас прищелкнул пальцами и произнес заклинание: «Ом мани падме хум! Цянь Юань Хэн Ли Чжэнь!».

Не успел он произнести последние слова, как к нему в виде тучки явился царь драконов Северного моря и, низко кланяясь, воскликнул:

— Дракон Ао-шунь из Северного моря приветствует тебя!

Сунь У-кун остановил его:

— Ну что за церемонии! Встань! Прошу тебя! Не будь серьезного дела, я не осмелился бы потревожить тебя. Но мой наставник попал в плен к злым дьяволам, которые посадили его в железную клетку и собираются сварить на пару. Огради его от беды и не дай ему погибнуть!

Дракон сразу же превратился в ледяной ветер и начал дуть, мешая огню лизать днище котла. Таким образом наши друзья оставались пока невредимыми.

В конце третьей стражи старый дьявол распорядился:

— Эй вы, подручные! Хорошенько стерегите пленников! Пусть десять бесенят по очереди поддерживают огонь, а мы на время покинем дворец и отдохнем хоть немного. Очень уж мы переутомились, гоняясь за Танским монахом и его учениками, да еще четверо суток не спали, когда везли его сюда. Ну, ничего, за- то теперь им не уйти отсюда. В пятую стражу, как только начнет светать, они будут готовы, тогда можно будет заправить их чесноком, посолить, подлить уксусу. Затем вы разбудите нас, и мы полакомимся их мясом.

Бесы обещали в точности выполнить приказание, и трое дьяволов разошлись по своим опочивальням.

Находившемуся на краю облака Сунь У-куну было отчетливо слышно каждое слово старого дьявола, однако из железной клетки не доносилось ни звука. «Что же это такое? — думал Сунь У-кун. — Ведь там нестерпимая жара. Почему же они не стонут, не жалуются? Неужто сварились? Дай-ка спущусь пониже и послушаю!». Добрый Мудрец вскочил на ноги, встряхнулся и, превратившись в муху, уселся снаружи, у верхней решетки клетки.

— Черт возьми, — услышал он ругань Чжу Ба-цзе, — как бы узнать, собираются нас тушить или варить на пару?

— Братец! — отозвался Ша-сэн. — Что значит «тушить» и «варить на пару»? Объясни!

— Когда тушат, накрывают крышкой, а когда парят, то крышкой не накрывают.

Вслед за этим раздался голос Танского монаха.

— Братцы! Крышкой пока не накрыли!

— Нам повезло! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Эту ночь мы, видно, еще проживем! Наверно, нас будут варить на пару.

Убедившись, что все трое живы, Сунь У-кун подлетел к крышке и легонько прикрыл ею железную клетку. Танский монах испугался.

— Братцы, — в ужасе прошептал он, — накрыли крышкой!

— Ну все, теперь конец! — упавшим голосом произнес Чжу Ба-цзе. — Нас будут тушить, и к концу ночи мы сваримся.

Ша-сэн и Танский монах расплакались, словно дети.

— Не плачьте! — утешал их Чжу Ба-цзе. — Видно, истопники сменились.

— Откуда ты знаешь? — удивился Ша-сэн.

— Когда нас втащили сюда, — отвечал Чжу Ба-цзе, — мне было даже приятно. У меня ведь застарелая простуда, а тепло в таких случаях очень полезно. Сейчас, не знаю откуда, повеяло холодом.

Эй, начальник истопников! — громко крикнул Чжу Ба-цзе: — Поддай-ка жару! Дров жалко, что ли? Ведь не твои!

Сунь У-кун, услышав эти слова, усмехнулся: «Ну и дуралей! — подумал он. — Холод можно еще перенести, а вот если жара хватит, то с жизнью распрощаешься. Ну, нечего терять время, надо скорее выручать их, а то Чжу Ба-цзе своим криком всех переполошит. Но для того, чтобы спасти их, я должен принять свой прежний облик. Как же быть? Бежать? Но меня могут увидеть, поднимут крик, разбудят дьяволов, и тогда хлопот не оберешься. Нет, сперва надо напустить на них чары...

И тут Сунь У-кун вспомнил: — Давно, когда я стал зваться Великим Мудрецом, помню, как-то раз играли мы с хранителем небесного царства в цайцюань и я выиграл у него снотворных мушек; кажется, несколько штук у меня еще осталось. Напущу-ка я их на бесенят».

Он стал шарить у пояса и нашел двенадцать штук.

«Пущу десять, а парочку оставлю для развода», — решил Сунь У-кун.

Так он и сделал. Каждому истопнику он бросил в лицо по мушке. Мушки забрались в ноздри, и бесенят стало неудержимо клонить ко сну, они засыпали, падая на землю. Один только бесенок с кочергой не поддавался дремоте. Он вертел головой, тер лапами лицо, хватался за нос и беспрестанно чихал.

«Этот негодяй смекнул в чем дело, — подумал Сунь У-кун. — Запущу-ка я ему парочку «гусариков»! — И он бросил ему в лицо еще одну мушку. — Пусть бегают навстречу друг другу. Уж какая-нибудь из них угомонит его», — решил Сунь У-кун.

Бесенок зевнул раза два или три, потянулся, выронил кочергу, шлепнулся наземь и заснул непробудным сном.

— Вот это способ! — промолвил Сунь У-кун.

Он тотчас принял свой обычный вид, подошел к клетке и позвал:

— Наставник! Танский монах услышал.

— О Сунь У-кун! Спаси меня! — воскликнул он.

— Ты где, братец? Снаружи? — спросил Ша-сэн.

— Еще бы! Стану я обрекать себя на подобные мучения! — задорно ответил Сунь У-кун.

— Ну, братец! — рассердился Чжу Ба-цзе. — Ты скользкий, вот и выскользнул, а мы, словно козлы отпущения, ждем, когда нас сварят.

— Не кричи, Дурень! — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Я ведь пришел спасать вас.

— Если спасать, так уж до конца, братец, — умоляюще произнес Чжу Ба-цзе, — чтобы нам снова не пришлось париться.

Тем временем Сунь У-кун открыл верхнюю часть клетки, освободил наставника, встряхнулся и вобрал в себя шерстинку, превращенную в двойника, затем одного за другим высвободил Ша-сэна и Чжу Ба-цзе. Как только Дурень почувствовал себя на свободе, он сразу же вознамерился бежать.

— Постой! — остановил его Сунь У-кун. — Не торопись!

Прищелкнув пальцами и произнеся заклинание, он отпустил дракона и тогда только снова обратился к Чжу Ба-цзе:

— До Западного неба, где обитает Будда, пока очень далеко, — сказал он, — на пути еще встретятся высокие горы с крутыми вершинами. Нашему наставнику с его слабыми ногами не пройти пешком через такие препятствия. Нужно идти выручать коня.

Вы бы видели, с какой легкостью Сунь У-кун на четвереньках пробрался в зал с золотыми колокольцами. Бесы и бесенята спали вповалку в самых различных позах. Никто из них не слышал, как Сунь У-кун отвязывал поводья. Как вам известно, это был не простой конь, а конь-дракон. Он узнал Сунь У-куна, поэтому стоял смирно, не лягался и не ржал. Вы помните, конечно, что Сунь У-куну когда-то приходилось ухаживать за конями и ему был пожалован чин бимавэня — конюшего. Великий Мудрец бесшумно вывел коня, подтянул подпругу, взнуздal как полагается, а затем попросил наставника сесть верхом. Танский монах, дрожа от страха, с трудом взобрался на коня и хотел было ехать, но Сунь У-кун остановил его.

— Прошу тебя, не спеши, — сказал он. — По дороге на Запад нам еще повстречаются разные правители и цари, которым придется предъявлять подорожное свидетельство, иначе они нас не пропустят. Что мы им предъявим? Сейчас схожу за поклажей.

— Когда меня вносили в ворота, — сказал Танский монах, — я заметил, что бесы положили поклажу слева от входа в зал с золотыми колокольцами. Там же осталось и коромысло.

— Понятно! — ответил Сунь У-кун и так же неслышно ступая отправился на поиски во дворец. Вдруг он заметил в одном углу мерцающее сияние. «Это, должно быть, и есть поклажа», — сообразил он. А дело было в том, что парчовая ряса Танского монаха была украшена жемчужиной, от которой и исходило сияние. Сунь У-кун поспешно подошел к узлам, здесь же лежало и коромысло. Узлы были целы и даже не развязаны. Он поспешно забрал их вместе с коромыслом и передал Ша-сэну.

Чжу Ба-цзе повел коня, который хорошо знал дорогу, и они направились прямо к главным воротам, но тут послышался стук караульных колотушек и звон колокольцев. На воротах

оказался замок с печатью.

— Ишь ты, какие осторожные эти дьяволы! — воскликнул Сунь У-кун. — Как же нам выбраться отсюда?

— Пойдемте через задние ворота, — предложил Чжу Ба-цзе.

Так они и сделали. Сунь У-кун шел впереди, указывая дорогу. Но и здесь слышался стук колотушек и звякали колокольцы. На задних воротах тоже висел замок с печатью.

«Как же быть? — подумал Сунь У-кун. — Если бы с нами не было Танского монаха с его плотским телом, мы трое во всяком случае выбрались бы отсюда и улетели на облаке. Но с ним мы не можем взлететь, только потому, что он еще не переступил границы трех миров, в которых господствуют желания, страсти и бесчувствие, он все еще находится в пределах пяти стихий тщеславия, любостяжательства, разгула, надменности и лени, сам он происходит от родителей, не очистившихся от грехов».

— Плохо дело! — сказал Сунь У-кун.

— Братец! Незачем ломать голову, — посоветовал Чжу Ба-цзе. — Поищем такое место, где нет ни колотушек, ни колокольцев и никакой охраны. Там мы поможем нашему наставнику перелезть через забор и выберемся отсюда.

Сунь У-кун засмеялся.

— Ну и придумал! — сказал он. — Ведь если сделать, как ты предлагаешь, то потом, когда мы будем возвращаться со священными книгами, ты же своим длинным языком везде разболтаешь, что мы, монахи, лазали через чужие заборы.

— Сейчас не время читать нравоучения, — перебил его Чжу Ба-цзе. — Подумай лучше, как спастись!

Сунь У-кун не мог предложить ничего лучшего, и они решили последовать совету Чжу Ба-цзе. Подойдя к гладкой стене, наши путники стали думать, как перелезть через нее.

Но надо же было случиться беде! Видно, зловещая звезда не покинула несчастного Сюань-цзана. Трое дьяволов вдруг проснулись и, почуяв, что Танский монах сбежал, стали кричать. Кое-как напялив на себя одежду, они бросились в зал.

— Сколько раз прокипел Танский монах? — спрашивали они бесов.

Однако бесенята-истопники так крепко спали, что даже удары палок не могли их разбудить.

Остальные бесы спросонья отвечали заплетающимся языком:

— Се-се-се-семь разков прокипели!

Затем, немного придя в себя, они стремглав кинулись к котлу, увидели сброшенную на пол железную клеть, спящих истопников и в ужасе явились к дьяволам.

— Великие князья! Сбе-сбе-сбе-сбежали! — с трудом доложили они.

Трое дьяволов поспешно вышли из тронного зала, направились к котлу и, внимательно осмотрев его, убедились, что клеть действительно сброшена на пол, кипяток остыл, а от огня даже головешек не осталось. Истопники спали мертвым сном и громко храпели. Тут дьяволы-оборотни подняли невообразимый крик.

— Живее в погоню, ловите Танского монаха!

От этого страшного крика бесенята проснулись, вскочили на ноги, схватили оружие и бросились к главным воротам. Но тут все было в порядке. Печать и замок оказались на месте, колотушки стучали, колокольцы звенели.

Бесы стали спрашивать ночных дозорных, карауливших за воротами:

— Не видели, откуда выбежал Танский монах?

— Отсюда никто не выходил! — в один голос отвечали дозорные.

Тогда бесы кинулись к задним воротам. Но и здесь замок и печать, колотушки и колокольцы — все было на месте. Суматоха усилилась, — стали зажигать факелы, фонари. Кругом запылало красное зарево, стало светло как днем. Тут все отчетливо увидели, как четыре беглеца пытаются перелезть через стену. Старый дьявол подбежал к ним и закричал:

— Вы куда?!

У Танского монаха от испуга обмякли руки и ноги, и он, как мешок, рухнул со стены на землю. Старый дьявол тут же схватил его. Тем временем второй дьявол поймал Ша-сэна, третий вцепился в Чжу Ба-цзе. Остальные бесы тащили поклажу и вели белого коня. Одному только Сунь У-куну удалось бежать. Чжу Ба-цзе, бормоча под нос ругательства, изливал свою досаду на Сунь У-куна.

— Чтоб тебе ни дна ни покрышки! — ворчал он. — Я же говорил, если будешь спасать, то уж до конца. Теперь нас опять запрячут в железную клетку и станут варить!

Дьяволы притащили Танского монаха в тронный зал, — они, видимо, отказались от намерения сварить его. Второй дьявол велел слугам привязать Чжу Ба-цзе к одному из передних столбов, поддерживавших крышу дворца. Третий демон распорядился привязать Ша-сэна к такому же заднему столбу. А старый демон не выпускал Танского монаха, обхватив его своими ручищами.

— Ты что его держишь, братец?! — спросил младший брат дьявола. — Неужели хочешь съесть его живьем? Вряд ли он придется тебе по вкусу. То ли дело простые мужики и парни, — поймал и тут же ешь себе на здоровье. А это, брат, редчайшее лакомство из высочайшего удела, им можно лакомиться только в свободную пору, когда погода ненастная. Перед этим надо тщательно привести себя в порядок, причем вкушать его нужно под первосортное вино и нежную музыку!

Старый дьявол рассмеялся.

— Ты совершенно прав, брат мой, — молвил он, — боюсь только, что опять появится Сунь У-кун и похитит его.

— У нас во дворце есть узорчатая беседка с разными благовониями, в ней стоит железный поставец. Давай упрячем в него Танского монаха, запрем беседку и пустим слух о том, что мы съели Танского монаха сырым. Пусть бесенята разнесут этот слух по всему городу. Будь уверен, Сунь У-кун непременно явится, чтобы пронюхать, как обстоят дела. Узнав о том, что мы съели Танского монаха, он придет в такое уныние, что, безусловно, уберется восвояси. Мы же подождем несколько дней, пока не убедимся, что Сунь У-кун не станет больше тревожить нас, а уж тогда притащим сюда монаха и будем понемногу лакомиться. Ну как? Что ты на это скажешь?

Оба демона очень обрадовались и стали хвалить своего младшего брата:

— Молодец! Правильно говоришь!

После этого дьяволы схватили несчастного монаха и, не дожидаясь рассвета, поволокли его в беседку и втолкнули в железный поставец. Двери в беседку наглухо закрыли. Молва о том, что дьяволы съели Сюань-цзана, быстро облетела весь город. Но об этом рассказывать мы не будем.

Вернемся к Сунь У-куну. Вы знаете, что он удрал на облаке, спасая жизнь, и не мог позаботиться о Танском монахе. Он направился прямо к пещере Льва и верблюда и там уничтожил своим посохом всех бесенят до единого, хотя их было десятки тысяч.

Когда он возвращался назад, на востоке уже взошло солнце. Приблизившись к городу, Сунь У-кун не осмелился вызвать дьяволов на бой. Ведь известно, что: «Из одной пряжи нитки не скрутишь, одной ладонью не захлопаешь». Он спустился с облака, качнулся из стороны в сторону и, превратившись в маленького бесенка, проник в город, где стал обходить все улицы и переулки, чтобы хоть что-нибудь разузнать. В городе только и было разговоров о том, что Танского монаха этой ночью заживо съел великий князь. Вот когда Сунь У-кун действительно встревожился. Он устремился во дворец и заглянул в зал с золотыми колокольцами, где увидел

множество оборотней, разодетых в одежды из желтой материи, в меховых шапках, отороченных золотом, с красными лакированными дубинками в руках и с табличками из слоновой кости у пояса. Все они сновали взад и вперед. Глядя на них, Сунь У-кун подумал: «Это, наверное, дворцовые служащие. Превращусь-ка и я в такого, войду туда и все разузнаю».

Ну и Сунь У-кун! Он сразу же принял вид дворцового служащего и, смешавшись с остальными, вошел в золотые ворота дворца. Вдруг он заметил привязанного к столбу Чжу Ба-цзе, который чуть слышно стонал. Сунь У-кун приблизился к нему и окликнул:

— Чжу У-нэн!

Чжу Ба-цзе узнал Сунь У-куна по голосу и взмолился:

— Дорогой братец, это ты? Спаси меня!

— Спасу, — ответил Сунь У-кун, — скажи только, где наставник.

— Наставника нет в живых, — ответил Чжу Ба-цзе. — Вчера ночью эти дьяволы живьем сожрали его!

Услышав эти слова, Сунь У-кун лишился голоса и заплакал.

Чжу Ба-цзе стал утешать его:

— Братец, не плачь! Я передаю тебе только то, что слышал от этих бесов, но собственными глазами не видел. Ты лучше не теряй зря времени и узнай точнее.

Сунь У-кун перестал плакать и направился дальше. Он обошел дворец и заметил Ша-сэна, который был привязан к другому столбу. Подойдя к нему поближе и коснувшись его рукой, Сунь У-кун позвал:

— Ша У-цзин!

Ша-сэн тоже сразу узнал голос Сунь У-куна.

— Это ты, братец, проник сюда? — обрадовался он. — Спаси меня! Спаси!

— Тебя спасти не трудно — подбодрил его Сунь У-кун, — но скажи мне, не знаешь ли ты, где наш наставник?

У Ша-сэна закапали слезы из глаз.

— Братец! — горестно ответил он. — Обратни не дождались, пока наш наставник сварится, и съели его живьем!

Сомнений больше не было. Оба его брата говорили одно и то же. Сунь У-куну показалось, будто сердце его пронзил острый нож. Он не стал спасать ни Чжу Ба-цзе, ни Ша-сэна, стремительно подпрыгнул вверх, поднялся в воздух и помчался на пригорок у восточной стороны города. Там он спустился с облака и принялся громко рыдать и причитать, мысленно обращаясь к наставнику.

Я грущу, вспоминая,

Как я в небесах провинился.

Небывалые муки

В тот день ожидали меня.

Ты, мой добрый наставник,

Тогда предо мною явился.

Ты избавил от пытки меня,

От меча и огня.

И живой благодарностью полон,

Любовью глубокой,

Я к обители Будды

Направился вместе с тобой,

С искушением дьявольским

В сердце боролся жестоко

И, стремясь к совершенству,

Сражался с бесовской гурьбой.

Я желал, чтобы цели достиг ты,

Мой добрый учитель,

Но тебя я не спас,

И не можешь ты путь завершить.

Ты погиб, не пройдя сквозь ворота

В святую обитель.

Ты погиб... я живу без тебя...

И не знаю, как жить!

Долго терзался Сунь У-кун, пребывая в скорби и печали. Долго размышлял он, задавал себе всевозможные вопросы, но не находил на них ответа.

«Это все он, наш Будда Татагата, в своей обители высшего блаженства от безделья насочинял всякие книги. Подумаешь! Священные книги! «Три сокровища»! — раздумывал он. — Да если у него действительно было намерение склонять всех к добру, позаботился бы лучше о том, чтобы самому доставить эти книги в восточные земли. Разве тогда не стали бы они распространяться среди людей вечно? Видно, жалко ему расставаться с этими книгами, вот и приходится таким, как мы, ходить к нему на поклон. Разве знает он, сколько мучений вынесли мы, переходя через тысячи гор. И все зря! Сегодня к утру мой наставник лишился жизни! Кончено! Все кончено! Ну что ж, полечу-ка я на облаке к самому Будде и расскажу ему все, что произошло. Если он согласится передать мне свои книги, я доставлю их в восточные земли. Пусть люди узнают, что ждет их в награду за добрые дела. В то же время я исполню данный мною обет. Если же Будда не даст мне своих книг, я попрошу его снять с моей головы волшебный обруч, оставлю его Будде, а сам вернусь в свою пещеру, где буду царствовать над обезьянами и забавляться с ними».

Решив так, Сунь У-кун сразу же вскочил на облако и направился прямо в страну Небесных бамбуков. Не прошло и часа, как показалась чудодейственная гора Линшань. Еще миг, и Сунь У-кун, прижав книзу облако, достиг основания пика Горный орел. Не успел он поднять голову, как его обступили четыре великана — хранителя Будды и грозно спросили:

— Ты куда направляешься?

Вежливо поклонившись, Сунь У-кун ответил:

— Мне нужно видеть Будду Татагату по важному делу.

Старший из хранителей по имени Юн-чжу, досточтимый князь, правитель горного хребта Золотой зари в горах Куэнь-лунь, крикнул:

— Эй ты, мартышка! Слишком грубо и дерзко себя ведешь! В прошлый раз мы много сил потратили, чтобы выручить тебя из лап дьявола с головой Быка, а сейчас при встрече с нами ты не проявил ни малейшей учтивости. Если ты явился по важному делу, обожди здесь, пока мы доложим Будде. Если он разрешит, мы тебя пропустим. Тут тебе, братец, не Южные ворота неба, где ты можешь входить и выходить, когда тебе вздумается! Ну-ка, отойди!

Наш Великий Мудрец Сунь У-кун был и без того сильно огорчен и раздосадован, а потому, услышав такое обращение, вскипел неудержимой яростью и стал кричать так, что потревожил самого Будду.

В это время Будда сидел на своем троне в виде цветка лотоса с девятью лепестками и объяснял священные книги своим наиболее близким ученикам — восемнадцати архатам. Он прервал свои объяснения и сказал:

— Сунь У-кун явился! Ступайте и примите его.

Выполняя повеление Будды, архаты чинно, двумя рядами, вышли из ворот с приветственными возгласами:

— О Великий Мудрец Сунь У-кун! Сам Будда зовет тебя.

Четыре хранителя Будды, стоявшие у ворот, сразу же расступились и пропустили Сунь У-куна. Архаты провели Сунь У-куна к трону Будды. При виде Будды Сунь У-кун пал ниц, и слезы ручьем хлынули из его глаз.

— Что случилось? Чем ты так опечален? — участливо спросил Будда.

— Я, твой ученик, неоднократно был удостоен милости внимать твоим поучениям и пользовался твоим покровительством. С того времени, как я вступил на путь твоего истинного учения, на меня возложена обязанность охранять Танского монаха, которого я почитаю как своего наставника. Трудно передать, сколько горя нам пришлось изведать на далеком пути к тебе. И вот сейчас мы достигли горы Льва и верблюда, где оказалась пещера, а поодаль и город того же названия. Три лютых дьявола, три родных брата, владеют этой горой, пещерой и городом. Старший зовется царь Львов, средний — царь Тапиров, а младший — Великий кондор. Они и схватили моего наставника. Мы трое, его ученики, потерпели полное поражение в борьбе с дьяволами. Нас всех связали и поместили в железную клеть, чтоб сварить. К счастью, мне удалось бежать, и я призвал на помощь царя драконов из Северного моря, который избавил наставника от этих мук. В ту же ночь я вызволил наставника и обоих моих братьев из железной клетки, но, увы, избавить их от власти злой звезды я не смог — наставник снова попался в лапы дьяволам. Когда рассвело, я проник в город: хотел узнать, какова судьба моего учителя. И узнал, что эти проклятые чудовища, беспощадные и хищные, в ту же ночь растерзали моего наставника, сожрали его живьем, и от него теперь не осталось ни костей, ни мяса. К тому же я сам видел моих братьев, Чжу У-нэна и Ша У-цзина, которых тоже ожидает лютая смерть, привязанными к столбу. Спасти их не в моих силах, потому только я и явился сюда преклониться перед тобой, всемогущий Будда Татагата. Уповаю на твою величайшую доброту и сострадание, молю тебя снять заклятие, которым сковывает мою голову обруч, и взять его обратно. Меня же отпусти на гору Цветов и плодов, где меня ожидает привольная жизнь и забавы с моими мартышками.

При последних словах слезы градом покатились из глаз Сунь У-куна, и он разрыдался.

— Успокойся! — смеясь, проговорил Будда Татагата. — У этих оборотней чары оказались столь могущественны, что ты не смог одолеть их, вот ты и убиваешься.

Сунь У-кун опустил на колени и стал бить себя в грудь.

— Не скрою от тебя, Будда Татагата, — сказал он, — с того года, когда я учинил буйство в небесных чертогах и меня прозвали Великим Мудрецом, с того времени, как я появился в образе человека, ни один враг еще не одолел меня. Но на сей раз проклятым дьяволам удалось провести меня.

— Не досадуй! — стал утешать его Будда. — Я хорошо их знаю.

Сунь У-кун сразу же осекся и вполголоса спросил:

— О милосердный Будда! Правду ли говорят, что они приходятся тебе сродни? Я слышал об этом от людей.

Будда прервал его.

— Экая ты хитрая обезьяна! — воскликнул он. — Как могут подобные твари находиться со мной в родстве?

— Откуда же ты их знаешь, — улыбнулся Сунь У-кун, — если не состоишь с ними в родстве?

— Я наблюдал за ними своим всевидящим оком, — пояснил Будда. — Вот откуда я их знаю. Над старым оборотнем и его вторым братом здесь есть хозяева.

И Будда кликнул:

— Ананда и Кашьяпа! Идите сюда! Пусть один из вас отправится на облаке к горе Пяти террас и призовет сюда Вэнь Шу, а другой пусть летит к горе Брови красавицы и призовет Пу Сяня.

Оба досточтимых архата тотчас отправились выполнять повеление Будды.

— Я отправил их за хозяевами старого оборотня и его второго брата, — объяснил Будда Сунь У-куну. — Говоря по правде, — добавил он, — третий оборотень в какой-то мере приходится мне сродни.

— С какой стороны? — живо спросил Сунь У-кун. — Со стороны отца или матери?

Будда не сразу ответил на вопрос.

— Видишь ли, — сказал он, помолчав, — с того времени, как первоначальный хаос начал распадаться, небо разверзлось в первый период — «цзы», земля образовалась во второй период — «чоу», а люди появились в третий период — «инь». Затем небо вновь совокупилось с землей и народились все твари. Среди тварей выделились звери, бегающие по земле, и птицы, летающие

по воздуху. Старшим над всеми зверями является жираф, а над всеми птицами — феникс. Феникс был сверх всего наделен еще животворным духом и породил павлинов и кондоров. Павлины при своем появлении на свет, оказались наиболее лютыми и способны были поедать людей. Они всасывали их в себя сразу на расстоянии сорока пяти ли. Как-то раз я находился на снежной вершине горы, чтоб упражняться в достижении роста в шесть чжан с озолочением всего туловища, но меня сразу же всосал павлин, и я попал прямо к нему в брюхо. Я уж хотел было выбраться через задний проход, но побоялся измазаться. Тогда я перебил ему позвоночник, вылез и вскарабкался на чудодейственную гору Линшань. У меня было желание убить этого павлина, но все Будды стали уговаривать меня не делать этого. Ведь погубить павлина, все равно, что погубить родную мать. Поэтому я и оставил павлина в скопище пернатых, обитающих на этой горе, и пожаловал ему почетный титул «Великий просвещенный повелитель павлинов, породивший Будду». А кондор был рожден той же самкой, что и павлин. Теперь ты понимаешь, какое между нами родство?

— Так вот оно что! — рассмеялся Сунь У-кун. — Значит, если продолжить эту линию родства, то получится, что ты, Будда, приходишься племянником оборотню со стороны матери.

— Придется, видно, мне самому отправиться на расправу с этим оборотнем, — сказал Будда, не дослушав Сунь У-куна.

После этого Сунь У-кун земно поклонился Будде и произнес:

— Умоляю тебя, сделай милость и хоть раз сойди со своего трона!

Будда выполнил просьбу Сунь У-куна и в сопровождении всей свиты вышел из наружных ворот своей обители. Там он встретился с Анандой и Кашьяпой, которые привели двух бодисатв: Особо просвещенного Вэнь Шу и во всем сведущего Пу Сяня. Оба они совершили поклон перед Буддой Татагатой.

— Бодисатва, — обратился Будда к Вэнь Шу, — сколько времени прошло с тех пор, как твой зверь покинул гору?

— Семь дней, — отвечал Вэнь Шу.

— Семь дней — это значит несколько мирских тысячелетий, — промолвил Будда. — Сколько живых тварей погубил он за это время! Следуйте за мной, надо скорей изловить его! — приказал он.

Сопровождаемый двумя бодисатвами, Будда со всей свитой поднялся в воздух и полетел. Вот как об этом рассказывается в стихах:

Высокая лазурь

Покрылась облаками,

Даруя благодать
И силу без конца...
Сам Будда вышел в путь
Из горнего дворца
И, милосердный,
Шествует над нами.
Он помыслом проник
В сердца земных существ,
Он тайну разъяснил
Их смерти и рожденья,
Все превращения,
Зверей, людей, божеств,
И цель глубокую
Их перевоплощенья.
И перед ним неслись торжественно
Пятьсот
Архатов избранных,
Святителей смиренных
А позади него
Держали путь с высот
Три тысячи святых —
Соратников блаженных.
А рядом с ним
Неслись Цзяшэ, Ано,
Готовые на бой.
И — бодисатв опора —
Пу Сянь, Вэнь Шу.
И было решено,

Что подчинится им

Вся дьявольская свора!

Благодаря тому что Сунь У-кун обладал столь добрыми чувствами, ему удалось упросить Будду-прародителя прийти на помощь. Вскоре они увидели зловещий город.

— О Будда! — воскликнул Сунь У-кун. — Вон там, где клубятся черные испарения, столица государства Льва и верблюда.

— Ты спустись первым, — приказал Будда, — войди в город и вступи в бой с этими оборотнями. Только смотри, не побеждай их. Сделай вид, что потерпел поражение, и возвращайся сюда, а я уж сам с ними справлюсь.

Великий Мудрец направил облако прямо к городу и, спустившись на городскую стену, стал кричать и ругаться:

— Эй вы, скоты негодные! Выходите сюда сразиться со мной, старым Сунь У-куном!

Находившиеся в дозорных вышках бесенята перепугались и сломя голову бросились вниз, издавая громкие вопли:

— О великий князь! Сунь У-кун находится на городской стене и вызывает вас на бой!

— Ну и обезьяна! — вскричал старый дьявол. — Три дня не показывалась и, на тебе, с утра явилась, не иначе как привела с собой кого-то на помощь!

— Чего бояться! — вскричал третий брат. — Давайте вместе пойдем и посмотрим!

Трое дьяволов с оружием в руках устремились на городскую стену. Увидев Сунь У-куна, они, не говоря ни слова, сразу же набросились на него. Сунь У-кун, вращая свой посох, вышел им навстречу. Они схватывались раз семь или восемь, после чего Сунь У-кун, притворившись побежденным, бросился бежать.

Дьяволы во всю глотку закричали ему вслед:

— Ты куда?!

Тут Сунь У-кун перекувырнулся и очутился на облаке.

Дьяволы вскочили на другое облако и пустились в погоню. Сунь У-кун мгновенно уклонился в

сторону и скрылся в лучах сияния, исходившего от Будды. Тут дьяволы-оборотни увидели перед собой трех достопочтенных Будд, олицетворяющих Прошедшее, Будущее и Настоящее, в окружении пятисот архатов и трех тысяч праведных приверженцев Будды Татагаты. Они кольцом обступили трех оборотней да так плотно, что даже капля воды не могла бы просочиться.

У старого дьявола от страха отнялись руки и ноги.

— Братцы! — закричал он. — Плохо дело! Эта обезьяна — настоящий черт, выросший из земли! Как же ей удалось призвать сюда моего властителя?!

— Не бойся, братец! — старался подбодрить его третий дьявол. — Мы втроем разом набросимся на Будду, собьем его с ног нашим оружием и завладеем его дивным храмом Раскатов грома...

Старый дьявол в самом деле замахнулся мечом на Будду. Но тут Вэнь Шу и Пу Сянь прочли заклинание и прикрикнули:

— Экие скоты негодные! Все не возвращаетесь на истинный путь и не раскаиваетесь? Чего же вы ждете?!

Старый дьявол и его второй брат испугались и больше не посмели хорохориться. Они побросали оружие, перекувырнулись через голову и приняли свой настоящий облик. Двое бодисатв кинули им на спины свои сидения в виде цветка лотоса и сразу же уселись на них, а оборотни, опустив уши, изъявили полную покорность.

Так двумя бодисатвами были пойманы Черный Лев и Белый тапир. Один только третий оборотень не покорился. Он расправил крылья, отбросил свою замечательную пику, взвился в воздух и, играя широко растопыренными когтями, кинулся на Царя обезьян, который скрылся в лучах сияния Будды. Будда предугадал намерение оборотня и метнул в него золотистый луч. Голова оборотня, с макушкой в виде сорочьего гнезда, метнулась против ветра и превратилась в окровавленный кусок мяса. Продолжая играть когтями, оборотень ринулся было на Будду, но тот поднял руку, перепонки на крыльях оборотня тотчас лопнули, и он не мог больше летать. Он тут же сел на макушку Будды и принял свой первоначальный образ. Это оказался огромный кондор с орлиными крыльями золотистого цвета. Раскрыв клюв, он вдруг заговорил:

— О Будда Татагата! Зачем ты околдовал меня своими могущественными чарами?

— Ты натворил немало бед! — отвечал Будда. — Но если последуешь за мной и станешь творить добро, то этим, может быть, искупишь свою вину.

— У тебя там надо соблюдать посты, питаться одними овощами, жить в крайней бедности, терпеть лишения. А здесь я ем человечину и ни в чем себе не отказываю. Грех падет на тебя, если ты уморишь меня голодом.

— Мне подвластны четыре огромных острова, — отвечал Будда, — великое множество живых существ живет на них, уповая на меня. Я велю им приносить тебе жертвы за каждое твое доброе деяние.

Кондор попытался было освободиться, хотел бежать, но все его старания оказались тщетными. Пришлось покориться. Между тем Сунь У-кун перекувырнулся и, очутившись перед Буддой, стал отбивать земные поклоны.

— О мой повелитель! — восклицал он — Ты изловил оборотней и устранил великую напасть, но моего бедного наставника все равно уже нет в живых.

Щелкая зубами, кондор закричал:

— Противная обезьяна! Нашла-таки злодеев, которые покорили меня. Когда это мы сожрали твоего наставника? Разве не он находится там, в узорчатой беседке, в железном поставце?

Услышав эти слова, Сунь У-кун поклонился Будде до земли и снова поблагодарил его. Опасаясь, как бы не выпустить кондора, Будда велел Сунь У-куну скрыться в лучезарном сиянии и совершить заклинание, предохраняющее от всякой напасти. Затем он вернулся на облако и вместе со всей свитой полетел к своей драгоценной обители.

Тем временем Сунь У-кун на облаке спустился на землю и вошел в город. Там уже не было ни одного бесенка. Недаром говорится: «Без головы змея не ползает, без крыльев птица не летает».

Узнав о том, что их властители покорились Будде, бесенята удрали, спасая свою жизнь. Сунь У-кун освободил Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, нашел поклажу и отыскал коня.

— Наш наставник жив! — сообщил он своим братьям. — Идемте за мной!

Он провел их в дворцовый сад, где они нашли узорчатую беседку. А когда заглянули внутрь, то увидели в ней железный поставец, из которого доносились глухие стенания Танского монаха. Ша-сэн вскрыл поставец своим волшебным посохом, покоряющим оборотней, и, сдвинув крышку, позвал: «Наставник!».

При виде своих учеников Танский монах зарыдал.

— Братцы! — говорил он сквозь слезы. — Как это вам удалось покорить этих дьяволов? И откуда вы узнали, что я здесь?

Тут Сунь У-кун подробно рассказал ему все, что произошло, от самого начала до самого конца.

Танский монах был растроган до глубины души и непрестанно благодарил.

Наставник и его ученики разыскали еду в хоромы дворца, приготовили чай, сварили кашу, наелись досыта, привели себя в порядок и, выйдя из города, отправились по большой дороге дальше на Запад.

Вот уж действительно верно сказано, что: «За книгами священными идти должны только люди праведные» и что: «Мысленные переживания и душевные тревобления всегда оказываются пустыми».

Когда закончится это путешествие и наши путники смогут лицезреть Будду, вы узнаете из следующих глав.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288494>